

УДК 343.221

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ С 1920 ПО 1930 ГОД

Бондырев В.Е.*АНОО ВПО «Индустриальный институт», Курск, e-mail: ilmedv1@yandex.ru*

В криминологии 20-х годов 20-го века изучение личности преступника в СССР было полностью подчинено выявлению закономерностей преступного поведения как массового явления с учетом факторов его детерминации. Личность преступника в рассматриваемый период находилась под жестким давлением совокупности интегрированных влияний социально значимых негативных явлений, возникших на фоне сложных социально-экономических и политических процессов того периода. В основе роста уголовной преступности в СССР 20-х годов 20-го века лежит увеличение в обществе деклассированных элементов и повышение числа профессиональных преступников–рецидивистов. Это приводило к распространению убийств, тяжких телесных повреждений, изнасилований и краж. В этой связи при создании обобщенного портрета личности преступника, виновного в их совершении в СССР с 1920 по 1930 год, необходимо отметить признаки выраженного нравственного нездоровья, существенно затрудняющие процесс «перевоспитания».

Ключевые слова: личность преступника, период с 1920 по 1930 год, СССР, социально-демографическая характеристика

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PERSONALITY OF THE OFFENDER IN THE SOVIET UNION FROM 1920 TO 1930 YEAR

Bondyrev V.E.*Industrial Institute city, Kursk, e-mail: ilmedv1@yandex.ru*

In Criminology the twenties of the twentieth century study of the personality of the offender in the Soviet Union was completely subordinated to identify patterns of criminal behaviour as a mass phenomenon taking his determination. The identity of the offender during the period was under the hard pressure from the combined influences of integrated socially significant negative phenomena that occur against the backdrop of the difficult socio-economic and political processes of the period. The growth of crime in the Soviet Union of the twenties of the twentieth century is increasing in society and the increasing number of outlaws professional criminals are repeat offenders. This led to the proliferation of murder, grievous bodily harm, rape and theft. Therefore, when you create a composite portrait of the personality of the offender, the offender in the Commission of the Soviet Union from 1920 to 1930 year, mention should be made of the signs express moral ill health, substantially hindering the process of «re-education».

Keywords: the identity of the offender, the period from 1920 to 1930, the year the Soviet Union, social-demographic characteristic of the

Криминологическое изучение личности преступника осуществляется главным образом для выявления и оценки тех ее свойств и черт, которые выступают источником, субъективной причиной преступных действий. Лица, совершающие преступления, отличаются друг от друга по демографическим, правовым, психологическим и иным признакам с одной стороны, а с другой – они по тем же признакам схожи, образуют устойчивые группы. Поэтому возникает необходимость классификации и типологии преступников. В советской юридической науке эти вопросы вначале решались с позиций уголовного права и исправительно-трудового права. В связи с этим в основу классификации брались социально-демографические (пол, возраст, род занятий и т.д.) и правовые критерии. Последние включают характер и степень тяжести совершенных преступлений, совершения преступлений, объект преступного посягательства, форму вины и т.д. Классификации, предлагаемые криминологами, обычно исходят из нравственных психологических

признаков личности преступника, степени общественной опасности правонарушителей, ее глубины, стойкости, содержания.

УК РСФСР 1922 года не дает ясной и четкой классификации преступников, если не считать классовый критерий [4]. Чрезвычайно скудными были, например, нормы, которые характеризовали преступления несовершеннолетних. Удельный вес данного вида преступности по статистическим данным был относительно невелик, но надо иметь в виду, что к 1930 году более двух третей дел об общественно опасных действиях несовершеннолетних рассматривались комиссиями по делам несовершеннолетних и, следовательно, не попадали в уголовную статистику.

Значительная часть совершившихся в 1921–1925 гг. преступлений была связана с наличием беспризорности (вновь обострившейся в результате голода в Поволжье) и безработицы, усилившейся в результате перемещения населения в города в связи с «аграрным перенаселением». Наличие беспризорности и безработицы

существенно влияло на уровень не только краж и хищений, но и преступлений против общественного порядка. Как отмечалось в этой связи в резолюции XV партконференции (1926 г.), «длительная безработица и вынужденное безделье» части молодежи обуславливают в ее среде процессы морального разложения и вырождения в антиобщественный элемент. В свою очередь последний заражает «своей психологией в силу бытовой близости значительную часть работающей молодежи». Поэтому возрастает волна хулиганства, «выявляя и возрождая позорные нравы и пережитки дореволюционного прошлого». Поэтому планомерная борьба с безпризорностью и безработицей молодежи рассматривалась как стержневая линия устранения причин хулиганства в сочетании с мерами, обеспечивающими повышение культурно-образовательного уровня, перспективу роста на производстве, культурный досуг.

В криминологии известны неоднозначные направления изучения личности преступника. Нужно говорить об интегрирующих антропологических и социологических направлениях, синтезе познавательного и научного наследия различных криминологических школ. Доктор юридических наук, Долгова А.И., считает, что в криминологии изучение личности преступника должно быть подчинено выявлению закономерностей преступного поведения, преступности как массового явления, их детерминации, причинности и разработке научно обоснованных рекомендаций по борьбе с преступностью. Наряду с антропологическим подходом существует и преобладает другой подход, который жестко отрицает биологизацию преступного поведения. Так, в начале XX века А.А. Пионтковский писал, что нельзя объяснять изменчивое социальное явление – преступление – постоянными свойствами и природы человека, в том числе «преступного человека». На социальные корни преступного поведения указывает известный советский криминолог А.А. Герцензон. По его мнению, криминологу незачем погружаться в глубинную сущность личности, искать биологические истоки поведения. И.С. Ной, В.П. Емельянов утверждают, что только определенный состав экономических, идеологических, социальных, биологических факторов дает реакцию, называемую преступлением. Ю.М. Антонян призывает рассматривать причинность совершения преступления с позиции психофизиологических характеристик преступника. Представляется справедливым, что данные генетики, биологии, медицины должны в первую очередь учитываться судебными психологами и судебными психиатрами при решении вопросов

о вменяемости. Необходимо четко проводить границу между психической болезнью и неболезненными проявлениями, между мерами наказания и принудительным лечением [3].

Вместе с тем мы исходим из того, что личность преступника есть совокупность интегрированных в ней социально значимых негативных свойств, образовавшихся в процессе многообразных и систематических взаимодействий с другими людьми. Эта личность, являющаяся субъектом деятельности, познания и общения, конечно, не исчерпывается только указанными свойствами, которые к тому же обычно поддаются коррекции. В то же время социальный характер личности преступника позволяет рассматривать ее как члена общества, социальных групп или иных общностей, как носителя социально типичных черт. Включение преступника в активное и полезное групповое общение выступает в качестве важного условия его исправления [2].

К наиболее важной черте криминологической характеристики личности преступника прежде всего следует отнести ее социально-демографическую характеристику. Данные о социальном положении и роде занятий лиц, совершивших преступления, позволяют сделать выводы о том, в каких социальных слоях и группах, в каких сферах жизнедеятельности наиболее распространены те или иные преступления.

По состоянию на 1923 год 60% тюремного населения принадлежит к рабочим и крестьянам. При этом 44% от общего числа осужденных отбывали наказания за кражу. При абсолютном преобладании преступности в сельских местностях (до 75% общей массы осужденных) число дел на 10000 населения распределяется между городом и деревней следующим образом: губернские города – 418, прочие города – 403 и сельские местности – 121 дело [1]. Городская преступность характеризуется относительным преобладанием имущественных преступлений, а сельская – преступлениями против личности. Отмечается «омоложение» возраста преступников, основная масса которых имела возраст от 18 до 35 лет.

Питательной средой уголовной преступности, нередко смыкавшейся с контрреволюционной, являлись как деклассированные элементы, так и профессиональные преступники, рецидивисты, в том числе оказавшиеся на свободе после амнистии, объявленной Временным правительством [6]. Вместе с тем нельзя не признать, что понятие личности преступника в определенной мере условное и формальное, поскольку отнесение определенных действий к числу преступных зависит от законодателя. Он же, как известно, может отменить

уголовную ответственность за поступки, которые ранее им рассматривались как преступные. Но есть вечные преступления – убийства, телесные повреждения, изнасилования, кражи и ряд других, за которые карают всегда. Эти преступления составляют ядро преступности, и черты личности преступника более всего характерны для виновных в их совершении [5].

По статистике за 1922 год учитывалось не только занятие осужденного, но и положение его в нем, а именно: был ли он хозяином, служащим или рабочим. Эти данные являлись наиболее показательными для определения классово-социальной принадлежности и ложились в основу принятой в то время классификации. В этой классификации выделялись хозяева и помогающие им члены семьи, а также рабочие. Среди военнослужащих выделялись лица командного состава и красноармейцы и т.д. [7].

Проведение сравнительного анализа преступности в годы нэпа сводилось к определению процентных соотношений, не прибегая к абсолютным цифрам. Одной из причин такого состояния статистики стало отсутствие точных сведений о всем населении. Как следствие, в статистике приводятся сравнительные данные о преступлениях отдельно относительно мужчин и женщин, однако исчерпывающего значения эти данные не имеют. Вместе с тем из статистики видно, что в 1922 году произошло процентное уменьшение числа женщин, совершивших преступления. Классово-социальная позиция классификации преступников предопределила выделение среди социальных групп трех категории преступников. К первой категории были отнесены все занимающиеся сельским хозяйством (кроме служащих сельского хозяйства), «рабочих других занятий» и красноармейцев. Во вторую группу включались хозяева, лица интеллигентного труда, служащие и командный состав. Третья группа состояла из лиц неизвестных. Безусловно, что такой подход был предопределен известными политическими и идеологическими условиями того времени. Вместе с тем он вносил определенные затруднения в определение криминологической характеристики личности преступника [8].

О социальном составе осужденных за хозяйственные преступления можно судить и по данным Верховного Суда РСФСР за 1925 год. Эти данные касаются осужденных по статьям 127, 128, 128-а и 131 УК РСФСР 1922 года, т.е. осужденных за разного рода бесхозяйственность. Так как субъекты этих деликтов обычно должностные лица, то они и помечены в докладе как «служащие»: они составляют 84% общего числа осужденных по указанным статьям. Кроме того, 5% составляют рабочие, 0,5% –

крестьяне, 9,5% – нетрудовые элементы. Из перечня хозяйственных преступлений А.Н. Трайнин выделял как самостоятельный вид трудовые деликты (статьи 133–135 УК РСФСР 1922 года). Так, за 1924 год за трудовые деликты было осуждено 6860 человек (мужчин). Среди них: хозяев – 61,3%; служащих – 23,1%; рабочих – 4,3%; лиц свободных профессий – 1,2%; прочих – 10,1%. При этом в 1924 году весьма значительным было число дел о неправильном приеме и увольнении – 45,2%. Эти показатели косвенно подтверждаются данными о местах совершения трудовых нарушений.

Таким образом, с 1920 по 1930 год вырисовываются определенные особенности личности преступников, связанные с особенностями социальной обстановки того времени.

Список литературы

1. Герцензон А.А. Борьба с преступностью в РСФСР // Советское право. – 1929. – Вып. 3. – С. 51.
2. Гилязов Ф.Г. Вина и криминогенное поведение личности. – М., 1991.
3. Долгова А.И. Преступник и его криминологическое изучение // Криминология: учебник для юридических вузов; под общ. ред. А.И. Долговой. – М.: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1997. – С. 279.
4. Исаев М.М. Общая часть уголовного права РСФСР. Гос. издат. Л. 1923. – С. 140–156.
5. Михлин А.С. Общая характеристика осужденных. – М., 1990.
6. Остроумов С.С. Вопросы борьбы с преступностью. – Вып. 6. – М., Юрид. лит., 1967. – С. 64.
7. Преступность в связи с классово-социальным составом осужденных в 1922 году // Вестник статистики. – 1924. – № 1–3. – С. 135–136, 143–144.
8. Эстрин А. Уголовный кодекс и «Руководящие Начала» по уголовному праву // Еженедельник Советской юстиции. – 1922. – № 20, 21.

References

1. Gercenzon A.A. Bor'ba s prestupnost'ju v RSFSR [The fight against crime in RUSSIA]. Soviet law. 1929. issue 3 pp. 51.
2. Giljazev F.G. Vina i kriminogennoe povedenie lichnosti [Wine and criminal behavior identity]. Moscow, 1991.
3. Dolgova A.I. Prestupnik i ego kriminologicheskoe izuchenie [Offender and criminological research]. Criminology. Textbook for law schools. Under the general editorship of A. Debt-Moscow: Publishing Group INFRA-NORMA, 1997. pp. 279.
4. Isaev M.M. Obwaja chast' ugovolnogo prava RSFSR [The general part of the criminal law of the RSFSR]. State publishing house Leningrad. 1923. pp. 140–156.
5. Mihlin A.S. Obwaja harakteristika osuzhdennyh [General characteristics of the convicted]. Moscow, 1990.
6. Ostroumov S.S. Voprosy bor'by s prestupnost'ju [The fight against crime]. Issue 6. Moscow, law books, 1967. pp. 64.
7. Prestupnost' v svjazi s klassovo-social'nym sostavom osuzhdennyh v 1922 godu [Crime in connection with the social class structure in the year 1922]. Bulletin of statistics. 1924. no. 1–3. pp. 135–136, 143–144.
8. Jestrin A. Ugolovnyj Kodeks i «Rukovodjajie Nachala» po ugolovnomu pravu [The Penal Code and the «Start» Guidelines on criminal law]. Weekly newspaper of the Soviet justice. 1922. no. 20.21.

Рецензенты:

Головин А.А., д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономики и управления Юго-западного государственного университета, г. Курск;

Новичков В.Е., д.ю.н., профессор, зав. кафедрой теории государства и права, АКОУ ВПО «Индустриальный институт», г. Курск.

Работа поступила в редакцию 07.12.2012.